

**АКЦИОНАЛЬНЫЙ КОД СИРОТСКОЙ СВАДЬБЫ
(традиция Пермского Прикамья на общерусском фоне)**

Мария А. Брюханова

ORCID ID: 0000-0001-9489-5172

Светлана Ю. Королёва

ORCID ID: 0000-0003-4246-907X

*Пермский государственный национальный
Исследовательский университет
Пермь, Россия*

Ключевые слова: свадебные причитания, невеста-сирота, сиротская свадьба, поминальная причеть, плачевая культура, Прикамье

Аннотация. Причитания невесты-сироты являются одним из маркеров сиротства как особого статуса. В статье рассматриваются ритуальные действия, сопровождавшие их исполнение, а также локусы и используемые предметы. Материалом послужили архивные данные и публикации XIX–XXI вв.; пермские варианты обряда соотносятся с традициями других регионов и дополняют представление о русской сиротской свадьбе. Два наиболее типичных локуса, где исполнялись сиротские причитания, – дом и кладбище. В доме задействовался стол, «нечистая» периферия жилища, пограничные локусы. Иногда сиротские ритуалы включали элементы театрализации (поиск приглашенных в гости родителей, их угощение, приглашение ритуального заместителя умершего). За пределами дома и кладбища также выбирались пограничные локусы (возвышенность, перекресток). Ряд ритуальных жестов и предметов (платок, полотенце), которые использовались в сиротской свадьбе, известен по исполнениям похоронно-поминальных причитаний и входит в общую часть «словаря» плачевой культуры.

ACTIONAL CODE OF “ORPHAN WEDDING” (THE TRADITION OF PRIKAMYE IN RUSSIAN CONTEXT)

Maria A. Brukhanova

ORCID ID: 0000-0001-9489-5172

Svetlana Yu. Korolyova

ORCID ID: 0000-0003-4246-907X

Perm State University

Perm, Russia

Key words: wedding laments, orphan bride, orphan wedding, funeral laments, “lamentable” culture, Perm Region

Summary. The laments of an orphan bride is one of the markers of orphanhood as a special status in the traditional community. The article examines the ritual actions that accompanied the singing of such laments, as well as the loci and the objects which are used by participants. The research material includes archival data and publications of the 19th – 21st centuries. The Perm versions of the ceremony correlate with the traditions of other regions and detail the image of a Russian orphan wedding. The two most typical loci where orphan lamentations were performed are the home and the cemetery. In the house, the bride and assistants use the table, the periphery of the dwelling, and border loci. Sometimes orphan rituals included elements of theatricalization (searching for deceased parents, treating them, inviting a person-ritual substitute for the deceased). Border loci (hill, crossroads) were also selected outside the home and cemetery. A number of ritual gestures and objects (scarf, towel), which were used in an orphan's wedding, are known for the performances of funeral laments and are included in the common part of the “dictionary” of “lamentable” culture.

Введение

Причитания невесты-сироты составляют особую функционально-тематическую группу плачей и представляет собой зону прямого пересечения свадебной и похоронно-поминальной причети. Исполняя сиротские причитания, невеста фактически совершает поминовение умерших родственников во время свадебного цикла, актуализируя тем самым глубинную мифоритуальную семантику свадебного и похоронно-поминального обрядов.

В этой работе исполнение причитаний (и т. н. сиротских песен) в Пермском Прикамье рассматривается на «общерусском» фоне, который складывается из деталей обряда, известных по конкретным региональным традициям. Исследуемый материал носит фрагментарный характер, поэтому мы не ставим задачу реконструировать пермскую сиротскую свадьбу как таковую. Детали обряда, обнаруженные в публикациях XIX – начала XXI вв., рассматриваются в структурно-семантическом плане: мы предприняли попытку выделить отдельные элементы акционального кода, а также тесно связанных с ним пространственного и предметного кодов, и уточнить их мифоритуальную семантику. Проще говоря, нам интересны действия, которые совершает невеста во время причитаний, локусы, где она их исполняет, и предметы, которые она задействует¹. При этом за рамки исследования мы сознательно выносим ярко выраженные в этом обряде вербальный и музыкальный коды.

О связи похорон и свадьбы

На глубинную связь похоронного и свадебного обрядов указывали многие исследователи. Для начала остановимся кратко на этих идеях. Оба обряда сопряжены с переходом из одного состояния в другое. Но если похоронный обряд оформляет реальную смерть, то в свадебном реализуется идея символической смерти: невеста временно «умирает», чтобы возродиться в новом статусе. В.И. Еремина, анализируя историческую взаимосвязь свадьбы и погребального ритуала, последовательно рассматривает различные ритуалы, предписания и запреты, которые имеют отношение к невесте и которые раскрывают представление о ней как о лиминальном существе из «иног» мира. С момента просватанья невеста оказывается на особом положении, она становится в собственном доме «совершенной гостей»; в Архангельской губернии просватанная девушка не занимается домашней работой и никуда не выходит из дома, в первый период свадебного обряда невеста одета в траурные одежды, а в течение всего свадебного пира она должна молчать и не снимать фату (Еремина, 1991: 83, 84, 86, 90). В некоторых областях на свадьбе разыгрывалась особая похоронная игра, также у русских были отмечены случаи ритуального свадебного омовения, что, по мнению

¹ Эта работа продолжает задуманный авторами цикл статей, посвященный плачевой культуре Пермского Прикамья, в т.ч. похоронно-поминальной причети, см. (Королёва, Брюханова, 2018).

исследовательницы, косвенно свидетельствует о былых архаических представлениях, связанных с невестой как существом чужим, временно уходящим в потусторонний мир (Там же: 90–91).

К типологическому и структурному сходству погребального и свадебного обрядов неоднократно обращались А.К. Байбурин и Г.А. Левинтон. В статье «Похороны и свадьба» они ставят проблему «героя» обряда, с точки зрения которого он строится и/или осознается. Исследователи приходят к выводу, что «основные схемы свадебного погребального ритуала обнаруживают соответствия “порознь”, на уровне составляющих их “текстов” (субтекстов): погребальный ритуал, ориентированный на покойника, находит точное соответствие в F-тексте свадебного обряда, тот же ритуал с точки зрения “восприятия” и ритуальных действий живых соответствует M-тексту. Это соотношение проявляется во многих аспектах структуры обряда» (Байбурин, Левинтон, 1990: 79)². Одной из функций свадебных причитаний исследователи считают отсылку к погребальному обряду, экспликацию и актуализацию темы похорон в свадьбе (Там же: 85). В то же время, если иметь в виду определенную параллельность двух обрядовых схем, причеть невесты на свадьбе не находит соответствия в погребальных текстах и даже противоречит логике обряда, выступая как некий оксюморон («умершая» оплакивает сама себя). Ближе всего с погребальным обрядом соотносятся причитания невесты-сироты: хотя причитает сама девушка, она оплакивает не себя, а покойных родителей (Там же: 87).

Основная семантика ритуалов сиротской свадьбы и причитаний невесты-сироты

По всей видимости, в традиционной культуре сиротство выделено в качестве определенного социального статуса. Ряд важных наблюдений в этой области принадлежит С.Б. Адоньевой. Она обращает внимание на то, что в лексиконе севернорусских причитаний «слово “сирота” (в отличие от нормативного значения этого слова ‘человек, у которого умер один из родителей’) относимо к любому человеку, чье социальное состояние изменяется в результате похоронного ритуала», – поэтому ритуал выполняется не только для умершего, но и для оставшихся в живых родственников, которых этот обряд «посвящает в сиротство» (Адоньева 2004: 131). Статус сироты маркирован определенными правовыми, материальными и социальными

² F-текст – женский, M-текст – мужской «текст» обряда.

особенностями, а также определенным набором ритуальных функций³. С этой точки зрения, необходимость осуществлять перед свадьбой дополнительные ритуалы, исполнять особые сиротские причитания и песни является лишь одним из проявлений у невесты статуса сироты.

Если невеста – сирота или полусирота, то это меняло ход традиционной свадьбы, в структуре которой родителям отведена значимая роль. Отсутствие у невесты родителей – «аномалия с точки зрения народной культуры, потому что таким образом нарушается весь свадебный ритуал» (Алексеевский, 2007: 257). Эту «неправильность» компенсировали специальные ритуалы, маркировавшие свадьбу как сиротскую: «и действия сироты – ее обращения к покойным родителям (в причети), и особенно – посещение кладбища, родительских могил <...> представляют собой одновременно восполнение недостающих компонентов свадьбы – ритуальных действий родителей – и в то же время завершение похоронного обряда – похорон родителей и их поминания» (Байбурин, Левинтон, 1990: 88). По мнению исследователей, «причеть невесты-сироты, обращенная к покойным родителям, и по своим мотивам, и по функциям – это вообще не свадебная причеть, а похоронная. Весь комплекс обрядовых действий и текстов, отличающих свадьбу сироты от обычной свадьбы, совершенно особым образом связан с погребением – это даже не “цитата”, не заимствование элементов погребального обряда в свадьбе, а непосредственное включение в нее целого обрядового текста – элементы похоронного и одновременно поминального ритуала» (Там же: 87-88).

Ранее применительно к севернорусской свадьбе об этом же говорила Б.Б. Ефименкова: «К поминальным обрядовым плачам примыкают и голошения невесты-сироты (на кладбище и затем перед приездом свадебного поезда в избе). В них полностью используются сюжетные мотивы и поэтические формулы надмогильных причитаний, от них плачи невесты отличаются только просьбой о благословении на предстоящий брак. Как и в плачах сорокового дня, невеста приглашает умерших родителей в гости. Перед появлением поезжан в избе разыгрывается сцена посещения дома покойным: невеста с девушками

³ Другим подтверждением особого положения сиротствующих является, например, тот факт, что отказ женщин спеть песню мотивируется утратой родителей, детей или мужа; запрет детям ходить в чужие (соседские) дома без приглашения объясняется тем, что они не сироты («чай, не сирота»). И наоборот, вдовы женщины и сироты наделены правом входить на чужую территорию («ходить по миру», т. е. просить подавание); в дни поминовения усопших «имущественная необходимость вдов и сирот собирать милостыню совпадала с потребностью подающих отдать часть своей еды нищим (сиротам)» в память об умерших родных (Адоньева, 2004: 133).

выходит на крыльцо встречать отца (или мать), провожает в горницу, усаживает на почетное место, угощает, одаривает. Но этот причёт невесты-сироты, заимствуя содержание и композицию плача сорочин (сорокоуста), исполняется уже на свадебный напев и чаще всего хором девушек» (Ефименкова, 1980: 22).

По всей видимости, сказанное справедливо и для причитаний невесты-сироты, бытовавших в Пермском Прикамье. Фольклорист И.В. Зырянов в неопубликованной работе «О взаимосвязях похоронной и свадебной причети» (1970-е гг.) пишет: «В собственной собирательской практике не однажды приходилось убеждаться в том, что в репертуаре отдельных исполнителей похоронные и свадебные причитания имеют много сходного: одинаковую заплачку (или плачевый приступ), совпадающие мотивы и художественные образы, общую ритмико-мелодическую основу стиха», – и далее: «...сами исполнительницы причитаний не видят разницы между поминальным плачем и причитанием невесты-сироты. В них могут совпадать многие мотивы, начиная с зачина и кончая формулами просьбы благословения» (Зырянов, РО ИРЛИ: л. 31, 42)⁴.

Как соединение двух обрядов рассматривает этот феномен М.А. Енговатова в работе о сиротской свадьбе Смоленщины. По ее наблюдениям, сиротство на этой территории отмечено тремя специальными обрядовыми действиями: 1) хождением невесты или жениха на могилу умершего родителя; 2) приглашением умершего родителя и его символическим участием в обряде благословения; 3) пением специальных «сиротских» песен. Эти три элемента образуют своеобразный «сиротский текст», вызывающий аналогии с похоронным ритуалом. Так, хождение невесты (жениха) на кладбище соответствует посещению кладбища родственниками покойного утром поминального дня. Призывание плачем родителя на благословение соответствует приглашению умершего на поминки, а последующее застолье с пением сиротских песен образует параллель с поминальным застольем. Таким образом, сиротский текст представляет собой своеобразные поминки, встроенные в свадьбу, а всю сиротскую свадьбу следует оценивать как симбиоз свадебного и похоронного ритуалов (Енговатова, 2008: 273, 280).

Вообще приглашение мершего на свадьбу – по крайней мере для некоторых региональных русских традиций – не было чем-то исключительным. Ценные наблюдения о такого рода ритуалах сделала

⁴ Зырянов, И.В. *О взаимосвязях похоронной и свадебной причети*. (Машинопись.) Рукописный отдел Института русской литературы РАН [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of RAS]. Ф. 850. Оп. 1. № 8.

К.П. Кузнецова: в работе о причитаниях в северно-русском свадебном обряде (глава «Культ умерших») она указывает, что символическое приглашение адресовалось не только родителям, но и другим покойным родственникам, необходимость такого обращения была продиктована представлением о том, что «жизнь и благополучие живущих находятся в прямой зависимости от предков» (Кузнецова, 1993: 110). «С “того” света приглашали всегда конкретных лиц – отца и мать или других ближайших родственников. Собирали всех, кто умер недавно. <...> По-видимому, считалось, что именно те родственники, с которыми прошла часть жизни вступающих в брак, должны присутствовать на свадьбе. Тех, кто умер давно, не приглашали» (Там же: 112). Цель символического призывания была разной, при этом «учитывалась степень родства умершего: если это были родители, то у них просили благословения, если же другие родственники, то их просто “приглашали” на свадьбу» (Там же: 112).

В русской свадьбе Заонежья само посещение невестой кладбища и приглашение умерших имело усложненную форму и происходило в несколько этапов. Каждый из них сопровождался причитанием и пением: 1) мать будит девушку особым причитанием, в котором говорится, что умерший отец «ждет» ее в гости; 2) невеста в сопровождении подруг и брата идет или едет на кладбище, девушки исполняют прощальные «невестины» песни; 3) как только они оказываются на кладбище, невеста начинает причитать, обращаясь к подругам и брату; 4) девушка причитает на могиле умерших родственников (Кузнецова, Логинов, 2001: 80-83).

Представления о необходимости предсвадебного контакта с умершими родителями находят прямое отражение и в вербальном коде – причитаниях невесты-сироты. Словесный текст «способствует созданию “эффекта присутствия” приглашенных с “того” света, придает сакральность обрядовой ситуации» (Кузнецова, 1993: 116). Мифоритуальная семантика центральных мотивов позволяет более точно интерпретировать прагматику такой причети. «Если выделить повторяющиеся, т. е. обязательные элементы <...>, то они вполне отчетливо покрывают обе эти сферы, свадебную и похоронную: с одной стороны, жалобы на отсутствие родителей на свадьбе (т. е. на то, что “некому” совершить те или иные действия), с другой стороны, призывы “проснуться”, “встать” из могилы – т. е. мотивы чисто похоронные. Не исключено, что в контексте свадьбы эти призывы приобретают дополнительный смысл по сравнению с похоронами: смысл призыва не к воскрешению (в этом или том мире), а к временному контакту для исполнения своей ритуальной роли –

помощи сироте. Тем не менее погребальный характер причети вполне очевиден и отнюдь не исчерпывается и не объясняется единством мотивов, общих для похоронной и свадебной причети вообще» (Байбурин, Левинтон, 1990: 88-89).

Рассматривая мотив «оживления покойника», на основе которого строятся многие причитания невесты-сироты, М.Д. Алексеевский интерпретирует его семантику следующим образом: чтобы получить благословение, сирота «должна перейти из “своего” пространства в “чужое”, то есть прийти к родителям “в гости” на кладбище. Причем <...> благословлять дочь могут только сами родители и никто другой. Именно поэтому “воскрешение умерших родителей” обязательно в этих причитаниях, то есть вызывание умерших из могилы в данном случае не может быть заменено никаким другим действием, что и объясняет столь широкую географию распространения этого мотива» (Алексеевский, 2007: 257)⁵. Внутренний сюжет, на котором строится такое причитание (призывание умершего и последующее символическое возвращение его «на тот свет»), исследователь характеризует как «поэтику двойственности», связывая ее с «потенциальной опасностью подобных действий и одновременно острой необходимостью их совершения»: «Получается так, что родители, находясь в пограничном статусе видений, все же приходят на ее свадьбу и дают ей благословение, однако финальная “формула невозможного” нейтрализует их возможное вредоносное влияние на будущую жизнь невесты» (Там же: 258-259).

Далее мы сосредоточимся на конкретных ритуальных действиях, которые выполняет невеста-сирота и ее помощники в русской традиции во время исполнения причитаний (или особых сиротских песен).

⁵ Чтоб проиллюстрировать подобные причитания, приведем версию, записанную И.В. Зырновым в д. Цидва Чердынского р-на Пермского края: «Выходила я, / Да горе-горькая, / На крутое да / Красно крылечико. <...> / Во правой-то руке / Да я держала свеченьку / Да воску ярого, / Во левой-то руке / Да я держала / Что стакан-то я / Да зелена вина. <...> / Я ждала / Да дождалася / Я своего-то / Кормильца-батюшку / Я на свой-то да / Горькой дившиничек <...>. / Мне-ка ждать его – / Да не дождался <...>: / Он лежит-то да / Во сырой земле <...> / Что из матушки / Да из сырой земли / Нет ни выходов, / Нет ни выступов» (Зырянов, 1969: 48–49).

Акциональный, пространственный и предметный коды русской сиротской свадьбы

Характеризуя свадебную обрядность славянских народов, М.А. Енговатова пишет: «Пожалуй, нигде ритуализация сиротства не выражена так ярко, как в свадебном обряде восточных славян, у которых сиротская свадьба игралась особым образом» (Енговатова, 2008: 272). Если говорить о конкретных традициях и территориях, где наиболее выражен «сиротский» вариант свадебного обряда, то можно прежде всего выделить Русский Запад и Север. Исследователи севернорусской традиции неоднократно отмечали, что на Русском Севере сиротские ритуалы и причитания были известны практически повсеместно (см., например: (Адоньева, 2004: 135; Енговатова, 2008: 272)).

Мы постарались учесть материал, отражающий свадебные обычаи разных регионов России. Обнаруженные сведения о причитаниях по умершим родителям на свадьбе невесты-сироты сгруппированы по территориальному принципу представлены в Таблице 1. Здесь указаны типичные и часто повторяющиеся элементы, которые дают более общее и в то же время конкретное представление о наборе вариантов ритуальных действий, входящих в сиротскую свадьбу у русских.

Таблица 1

Источник	Действия невесты
Локус: ДОМ	
<i>Севернорусская традиция</i>	
(Ефремов, 1975: 81)	Невеста искала покойника по дому. В избе она подходила к тому месту, где родители умерли, и причитала.
(Ефименкова, 1980: 22, 246, 288, 385)	Невеста причитала, “встречала” покойника.
(Разумова, Коски, 1980: 27)	Невеста выходила на крыльцо, в сени и причитала.
(Балашов и др., 1985: 50)	Невеста причитала покойнику утром с крыльца.
(РС, 2000: 38)	Невеста причитала, “искала” покойника, со свечкой ходила за печку, в коридор.

(Калинина, 1985: 223)	Невеста накрывала стол, ожидала покойных родителей в гости, выходила их встречать. Невеста выбирала подругу, у которой не было отца, вела ее в дом, сажала за стол и обращалась с ней как с пришедшим в гости отцом: угощала, просила благословения.
<i>Среднерусская традиция</i>	
(Енговатова: электрон. ресурс)	Невеста причитала, “встречала” покойника.
<i>Приуральская и уральская традиция</i>	
(Кошурников, 1880: 84)	Невеста причитала и в это время плакала, качалась из стороны в сторону, делала поклоны иконе с зажженной свечкой “в кутнем углу”.
(Шилков, 1894: 182)	Невеста искала покойника по дому, припадала к каждому углу.
Локус: КЛАДБИЩЕ	
<i>Севернорусская традиция</i>	
(Певин, 1893: 228)	Невеста посещала кладбище со старухами и причитала там.
(Кузнецова, Логинов, 2001: 80-82)	Невеста посещала кладбище с подругами и женщинами-соседками и причитала там.
(Ефименкова 1980: 380)	Невеста посещала кладбище за 2-3 дня до венца и причитала там.
(Разумова, Коски, 1980: 27)	Невеста причитала на кладбище.
(Кастров, 1999: 376)	Невеста посещала кладбище с подругами и причитала там.
(РС, 2000: 39, 115)	Накануне вечером невеста посещала кладбище с подругой или сестрой и причитала там.
(Адоньева, 2004: 135)	Невеста посещала кладбище со старухами и причитала там.

<i>Западнонорусская традиция</i>	
(Мехнецова: электрон. ресурс)	Невеста посещала кладбище с подругами и причитала там, иногда вместе с ними ходили музыканты – с гармонью или скрипкой и цимбалами, играли марш.
<i>Поволжская традиция</i>	
(Зорин, 2004: 71)	Невеста посещала кладбище и причитала там, могла ездить туда два раза.
<i>Среднерусская традиция</i>	
(Енговатова, 2008: 273)	Невеста в свадебном платье и свадебном венке посещала кладбище с подругами и причитала там.
(Деревни Савино, Буда...: электрон. ресурс)	Невеста посещала кладбище с матерью и сестрами, вставала на колени на полотенце, для нее исполняли причитание
<i>Южнонорусская традиция</i>	
(Чижикова, 1978: 169)	Невеста причитала на кладбище.
<i>Приуральская и уральская традиция</i>	
(Хохлова, 1984: 60)	Невеста причитала на кладбище.
<i>Сибирская традиция</i>	
(Потанина, 1981: 24)	Невеста посещала кладбище с подругами и причитала там.
(Лининская, Сафьянова, 1978: 191)	Невеста посещала кладбище с подругами и причитала там.
ПРОЧИЕ ЛОКУСЫ	
<i>Севернорусская традиция</i>	
(Балашов и др., 1985: 47)	Невеста причитала на возвышенности – угоре в сопровождении подруг.
<i>Среднерусская традиция</i>	
(Свадебный обряд...: электрон. ресурс)	Невеста причитала на перекрестке дорог,

	поворачивалась лицом в сторону кладбища, либо шла за деревню, причитала в поле.
--	---

В этнографических работах о свадебной обрядности чаще всего упоминается, что невеста-сирота причитала на кладбище: «Согласно обычаю, невеста-сирота в последнее воскресенье перед венчанием (“меж обедней да заутренней”) в сопровождении подружек посещала кладбище. У могилы отца или матери она причитала (“ревела”), испрашивая родительского благословения. Подружки ее успокаивали» (Кастров, 1999: 376). Единственное, что отличает посещение кладбища невестой в разных традициях, – это приуроченность к этапу свадьбы и ко времени суток. Однако посещение кладбища всегда проходило в довенчальный этап свадьбы. Так, в деревнях Верхняя Горка и Слободка Нюксенского района Вологодской области невеста голосила на могиле родителей за 2-3 дня до венчания (Ефименкова, 1980: 380). В селах Колежма и Нюхач республики Карелия было принято прощаться с умершими родителями в день венчания после обряда утреннего бужения (Разумова, Коски, 1980: 27). В большинстве сибирских сел невеста в сопровождении подруг шла на кладбище на могилу умерших родителей после расплетания невестинной косы, т. е. в утро венчания перед ритуальной баней (Потанина, 1981: 24). В Поволжье, в с. Куркуль Спасского уезда, невеста на кладбище ездила два раза: утром, перед баней, и вечером, перед приездом жениха на девичник (Зорин, 2004: 22).

Сопровождали невесту на кладбище чаще всего подруги, иногда родственницы или женщины-соседки. «Если кладбище находилось поблизости, то девушки брали невесту под руки с обеих сторон и вели ее с песнями. Если до него было далеко, ездили на лошадях. Невеста садилась в сани среди девушек, которые запевали одну из прощальных “невестиных” песен. На кладбище к моменту приезда невесты собирались женщины-соседки, желавшие послушать, как она будет “голосить”, и поплакать вместе с ней. Когда повозка остановилась, невеста начинала причитывать, обращаясь к подругам и брату, правившему лошадьми» (Кузнецова, 2001: 81). Поведение невесты-сироты на кладбище при исполнении сиротских причитаний схоже с поведением при исполнении поминальных причетов: невеста стоит, сидит или падает на могилу, ревет. В Ламбарсучье Медвежьегорского района Карелии невеста закрывала глаза носовым платком и причитывала, сидя у края могилы (Кузнецова, 2001: 82).

В некоторых традициях невеста не посещала кладбище, но причитала на улице: в чистом поле, на угоре, на перекрестке дорог. К примеру, в деревне Евсеевская Тарногского района Вологодской области это происходило так: «Невеста маленько повыйдет из круга на дорогу – на проулок, к дороге большой – и причитает. <...> Хлестнетце и причитает. <...> И пошли с места. <...> Еще здесь, на улице, причет: “Иди, встречать меня, мамушка”» (Балашов и др., 1985: 63). В Псковской области зафиксирован такой свадебный обычай: «Когда невеста и боярки идут из бани, они останавливаются и кланяются на четыре стороны – “Богу памóлются”. <...> После этого невеста и боярки идут звать родных на свадьбу. Невеста-сирота останавливается на дороге или “на крестнѣх” (перекрестке дорог), поворачивается лицом “к бую” (в сторону кладбища) или, по другим рассказам, идет за деревню, “в чистое поле” и “кричит” – зовет на свадьбу умерших родителей» (Свадебный обряд...: электрон ресурс).

Другой локус, в котором часто разворачивался «сиротский» ритуал, – это дом невесты. Так, жительница села Колежмы Беломорского района Карелии вспомнила, что она «в 1930-х годах (в ее молодые годы) прощаться с родителями на кладбище не ходили, а “взыскивала”, выходя на дорогу, на крыльцо, в сени» (Разумова, Коски, 1980: 27). Нередко в доме разыгрывалось целое ритуальное действие с элементами пратейатрального поведения: призвав умершего в гости, невеста затем «искала» его. В Кировской области она ходила по избе, как будто ищет родителей, «припадала» к каждому углу (Кошуриков, 1880: 84). В с. Сумской Посад Беломорского района Карелии после вечеринки невеста шла «искать» покойных родителей со свечкой, смотрела за печку, в коридоре и причитала (Русская свадьба, 200: 38). В Сокольском районе Вологодской области невеста-сирота «шла на поиски отца и матери. <...> Шла в куть. Искала родителей везде: и в снях, и в сарае, и выходила даже на улицу, падала на колени лицом в ту сторону, где они похоронены, и звала их домой. Ее уводили в избу. В избе подходила к тому месту, где они умерли, и причитала» (Ефремов, 1975: 80-82). Примечательно, что подобное ритуальное поведение имеет очень близкие параллели в похоронном обряде: так, в Юрлинском районе Пермского края после возвращения с кладбища *кадили* дом – обносили кадильницей с ладаном все жилище, спускались в голбец (подпол), заглядывали в печь; для того чтобы не бояться умершего, обходили жилище и дворовые постройки, чтоб убедиться в его отсутствии: «Когда его [умершего] вынесут, нужно <...> заглядывать в углы, а потом надо во дворе всё покадить» (Бахматов и др., 2008: 101).

Если в традиции присутствует представление, что умершие всё же приходят на зов, покойного родителя или родительницу стараются угостить, сажают за стол: «Невеста с девушками выходит на крыльцо “встречать” умершую. <...> Невеста хлестается, бросается на землю. <...> Невеста и девушки, как бы сопровождая “гостью”, возвращаются в избу. <...> Все стоят посредине избы. <...> На самом почетном месте, в красном углу, для умершей ставят столовый прибор; отец невесты подает пиво; невеста подносит свои дары» (Ефименкова, 1980: 331–334).

Как видим, ритуал исполнения причитаний (или сиротских песен) невестой-сиротой имеет вариативную структуру. Нужно сказать, что исследователями зафиксированы как редуцированные, так и развернутые, более подробные его версии, которые, однако, могут не отражать всех подробностей. Из описаний не всегда очевидно, обходилась ли обращение невесты к умершим родителям исполнением одного причитания либо проходило в несколько этапов и включало несколько плачей.

Сиротская свадьба в Пермском Прикамье

Основными источниками, по которым мы знаем о прикамских вариантах обряда, являются очерки середины XIX – начала XX вв. из краеведческих изданий, а также фольклорные сборники, отражающие традицию отдельных районов Пермского края XX – начала XXI вв. Всего пока обнаружено 20 публикаций, включающих прикамские причитания и песни невесты-сироты. Однако для наших целей подошли девять, поскольку только в них содержится информация о том, где исполнялись такие причитания и что в это время делала невеста. Также были использованы полевые дневники фольклорных практик, которые хранятся в архиве Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики ПГНИУ (далее – архив ЛТПФ).

Ввиду немногочисленности имеющихся данных, внутри сиротской свадьбы Пермского региона не удастся четко выделить отдельные локальные традиции. Однако для удобства мы сгруппировали материал по трем исторически сложившимся этнографическим зонам Пермского края. Важно отметить, что в большинстве случаев к текстам не приложены нотации или аудиозаписи, поэтому, строго говоря, мы часто не можем сказать точно, к причетной или песенной традиции относится тот или иной опубликованный текст. Но это не препятствует рассмотрению тех ритуальных действий, которые

сопровождали сиротские тексты на свадьбе. Они отражены в Таблице 2.

Таблица 2

источник	этап обряда	локус	действия невесты и помощников
<i>Северное Прикамье</i>			
г. Чердынь			
«Припаду ли я да молодешенька...» (Предгеченский, 1859: 38-39)	время от посиденка до девичника, вечером в сумерки	в доме невесты, за столом	Вечером девушки вместе с невестою садятся на стол и воют плачи. В это время на столе стоит пирог с говядиной – «плакальник», который съедают при пении плачей. Во время исполнения причитания невеста, сидя за столом, громко плачет, бьет руками по столу.
(«Я у всех взяла благословленьицо» (Предгеченский, 1859: 48)	девичник (накануне свадьбы, с неделю после посиденка)	в доме невесты, за столом	После благословения матери, если у невесты нет в живых крестной, то она вместе с девушками садится за стол и они плачут плачу.
«Я пойду да горегорькая...» (Предгеченский, 1859: 70-71; Предгеченский, 1860: 135)	исполняется два раза: 1) утром в день девичника 2) свадебный день (перед отправлением в церковь)	в доме невесты, на постели	Как только проснутся подруги, невеста садится к ним на постель, и все вместе поют они плачу.
«Сходилися да тучи грозные...» (Предгеченский, 1859: 71-72; Предгеченский, 1860: 135).	исполняется два раза: 1) утром в день девичника 2) свадебный день (перед отправлением в церковь)	в доме невесты, на постели	Как только проснутся подруги, невеста садится к ним на постель, и все вместе поют они плачу.
Тулпанская волость Чердынского уезда (северная часть Чердынского р-на)			

«Мне ночью мало спалось...» (Чесноков 1911: 61-62)	в день сватовства, сговора и рукобитья	в доме невесты, за столом	Невеста плачет и стучит об стол руками.
«Вы скажите, мои кумушки...» (Чесноков 1911: 63-64).	в день сватовства, сговора и рукобитья	в доме невесты, за столом	Невеста плачет и стучит об стол руками.
г. Дедюхин (в настоящее время затоплен, сохранившаяся часть – северная окраина г. Березники)			
(Петухов, 1864: 155-156, 167)	исполняется два раза: 1) время от просватанья и до дня свадьбы 2) девичник (после обручения накануне свадьбы)	в доме невесты, за столом	Невеста правой рукой держит полотенце и закрывает им глаза, а левую руку прикладывает ко лбу и, колыхаясь, ударяется о стол головою так, чтобы каждый удар приходился на левую руку.
Ин<ь>венский край (Юсьвинский р-н Коми-Пермяцкого округа)			
«Подымайтесь-ка, ветры буйные...» (Янович, 1903: 82)	девичник (накануне свадьбы)	в доме невесты	Девушки расчесывают волосы невесте, при этом как невеста, так и подруги плачут и причитают.
<i>Среднее Прикамье</i>			
Андреевская волость Оханского уезда (Андреевское сельское поселение Оханского р-на)			
«Садитесь, мои кумушки, садитесь голубушки...» (Серебренников, 1911: 31-32)	утром в день свадьбы после бани и расплетания косы	в доме невесты	Невеста ищет умершего родителя, она ходит по избе с подругами, заглядывая на печь и полати.
Пермская волость Пермского уезда (восточная часть Добрянского р-на)			
«Уж я вышла горё-горькая...» (Богословский, 1926: 142)	перед обручением	на улице около дома	

с. Усть-Качка Пермского р-на			
«Ты река-ли, моя реченька...» (Зеленин, 2019: 20-22, 28-29)	исполняется два раза: 1) девичник (в один из вечеров между просватаньем и обручением) 2) вечером в день обручение (накануне свадьбы)	в доме невесты в переднем углу	
с. Курашим Пермского р-на			
«Вот гора ли моя высокая, гора высокая, стена белокаменная...» (Черных, Голева, 2009: 58)	накануне свадьбы	у бани в предбаннике	Поют девушки, невеста с одной подружкой в это время моется в бане.
<i>Южное Прикамье</i>			
с. Бым Кунгурского р-на			
«Кто-то стучится, да кто-то брякается...» (Подюков и др., 2007: 134)	утро свадебного дня	на улице около дома невесты	Подруги выводят невесту на улицу, постелют на землю платок, а она на него падает и причитает. На улице невеста плакала в ту сторону, где похоронены родители.

Автор очерка о свадебной обрядности г. Чердыни Я.О. Предтеченский общую атмосферу свадьбы описывает как «грустную торжественность» и отмечает, что в целом она представляется «безрадостно-грустным событием, как будто бы оно совершалось не на радость брачующимся, а на безутешное горе, по крайней мере одной стороны» (Предтеченский, 1859: 5). Скорее всего, такое впечатление складывается из-за того, что причитания занимали существенное место в прикамской традиционной свадьбе. Считалось, что невеста обязательно должна «наплакаться», повсеместно в Пермском крае известная поговорка: «Не навоешься за столом – навоешься за столбом» (Подюков и др., 2004: 270). Как и в других

регионах, причитания на пермской свадьбе звучали в довенчальный период (начиная преимущественно с просватанья и в течение всего периода до отправки свадебного поезда в церковь в день венчания) (Щупак, 2012: 265).

Об особенностях сиротской свадьбы в Пермском крае известно немного, но приведем отдельные примеры существовавших обычаев, которые подчеркивали особый статус невесты-сироты. В Юрлинском районе, если у невесты не было родителей, разрешение на свадьбу она могла получить у брата. Любопытен в этом отношении автобиографический рассказ о подобном сватовстве: «Приехали сватать меня, а родители у меня умерли... <...> Дала я срок: “Вот как до вторника, у меня как брат разрешит, приезжайте тогда уж, сватайте. Вот я свыше брата как не сделаю, он мне как вроде отец, брат-от, отцато нет дак”» (Бахматов и др., 2008: 35-36). И.В. Зырянов, знаток свадебной обрядности Прикамья, пишет, что такая невеста иногда вообще не проводила девичника: «Невеста-сирота не собирала подруг, не устраивала девичника, а если он и был, то назывался горьким, злосчастным, слезливым» (Зырянов, 1969: 42). В Кунгурском районе, если девушка – сирота, во время свадьбы ей заплетали косы только до половины (Подюков и др., 2007: 134). Известно также, что если у невесты не было отца, то выводить ее к жениху могли мать, братья или крестная (Бахматов и др., 2008: 57; Черных, Голева 2008: 74). В некоторых локальных традициях существовало различие между понятиями *сирота* и *полусирота*, для них на свадьбе исполнялись разные песни (Черных, 2001: 68-69).

1. Сиротская свадьба в Северном Прикамье. В Чердыни невеста начинала причитать в период от посиденка до девичника: «В сумерки, прежде чем подадут на стол свечи, девушки вместе с невестою садятся за стол и поют, или лучше – по тону пения – воют следующие плачи. <...> Обычаем освящено присылать в это время к невесте сдобные пироги с говядиной, называемые в местном говоре “плакальниками”, потому что съедают их гости и девушки при пении плачей» (Предтеченский, 1859: 34). Тогда же исполнялось сиротское причитание «Припаду ли я да молодешенька...», при этом, скорее всего, невеста делала то же, что и во время исполнения других плачей: «Как бы для большей выразительности картины, для большей наглядности и драматизма, невеста, в продолжении этих печальных песнопений, сидя за столом, громко плачет, хотя большую часть “для обряда”, бьет руками по столу и вообще обнаруживает по возможности все внешние признаки самого искреннего душевного

горя. Окончивши плачи, девушка тотчас принимаются за шитье и шьют до ужина» (Там же: 39).

Еще один момент, который мог быть связан с исполнением сиротского текста, наступал во время девичника перед отправлением в баню: «...после благословения родной матери невеста идет на благословение ко крестной; если же ее уже не существует на белом свете, то девушки с невестой садятся за стол и плачут плачу “Я у всех взяла благословленьицо...”» (Там же: 48). Отметим, что в традиции роль крестных родителей в жизни человека крайне важна. Не случайно именно крестные могли благословить невесту-сироту (Кошурников, 1881: 83-84), выводить ее к жениху (Черных, Голева, 2008: 74). Иначе говоря, они выполняли функции родителей, поэтому в традиционном сознании отсутствие крестной тоже могло восприниматься как неправильная ситуация, и невеста исполняла причитания, обращенные к умершей крестной и включающие похоронно-поминальные мотивы (см. другие традиции, где свадебное причитание также исполняется для умершей крестной: (Шилков, 1891: 179)).

Еще два сиротских текста, звучавших на чердынской свадьбе, могли исполняться как утром в день девичника, так и в день свадьбы перед отправлением в церковь: «Как только проснутся подруги, невеста садится к ним на постелю и все вместе поют они плачу <...>. Если невеста – сирота, то для нее поются следующие песни: “Я пойду да горегорькая...””, “Сходилися да тучи грозные...” Окончив плачи, все встают, поспешно одеваются, и, вместе с невестой, тотчас же отправляются в церковь...» (Предтеченский, 1859: 69-72, 135).

На севере Чердынского уезда, где тогда проживали старообрядцы-поморы федосеевского согласия, невесте, у которой нет в живых родителей, подружки исполняли два сиротских текста подряд: «На “сговор” приходят девушки-подруги и поют песни. Как только невеста сядет за стол, девушки поют следующую песню “Мне ночесь мало спалось...” Песня эта поется протяжно, в унисон плачущей и стучащей об стол руками. В песне, как видно, невеста сирота, нет у ней ни батюшки, ни матушки, она во всем винит родного братчика. За этой поют следующую: “Вы скажите мои кумушки...” В этой песне, как и в предыдущей, невеста плачется на свое сиротство без родимой матушки. Эта песня также поется протяжно-уныло» (Чесноков, 1911: 61-64).

В г. Дедюхине (располагавшемся рядом с современным г. Березники) подружки, которые до венчания жили у невесты дома, могли исполнять ей один и тот же сиротский текст два раза в разные дни свадебного обряда. Первый раз этот текст звучал последним в

один из вечеров, приходившихся на промежуток с просватанья до свадьбы. Второй раз – на девичнике, который проходил после обручения, накануне свадебного дня и венчания: «Когда все званые соберутся, то невеста садится за стол, и девушки, сообразно положению невесты, начинают петь плачу; если у ней нет ни отца ни матери, то “Дуньте-ко ветры буйны”...» (Петухов, 1864: 167). Описывая этот обычай, автор отмечает особую эмоциональность исполнения, называя плач трогательным, «вырвавшимся из глубины души горькой сироты» (Там же: 156). Но особый интерес вызывают описания действий невесты во время его исполнения: «в начале плача невеста, захватив правую рукою полотенце, закрывает им глаза, а левую руку прикладывает ко лбу и, колыхаясь, ударяется о стол головою, принаравливая каждый удар на левую руку, которая от сильного ударения у некоторых невест припухивает и покрывается синевицами, не сходящими долго. Во время вытья и самобияния о стол невесты сестра, либо крестница, либо племянница ее успевает расплести косу, несмотря на то, что невеста в то время вертит головою и вырывает из рук у ней косу...» (Там же: 168)⁶.

В описании плачевых жестов невесты-сироты обращает на себя внимание использование одного предмета – полотенца, которым невеста закрывает глаза. Похожий способ исполнения похоронно-поминальных плачей известен в Вологодской области. Е.Ф. Югай интерпретирует его так: «причитальщица закрывает лицо платком (“фаткой”), носовым платком, черным платком или рукой, чтобы обратиться к умершему, телесно подчеркивая наличие канала связи между нею и умершим, для которого взгляды живых будут помехой. Закрывание лица также делает ее саму представительницей другого мира (как и закрывание лица ряжеными на Святках)» (Югай, 2019: 53). Авторами этой статьи в Карагайском районе Пермского края также были записаны комментарии об исполнении плачей, согласно которым причитавшие женщины закрывали лицо платком, причем это происходило как при исполнении похоронных плачей возле гроба в доме, так и поминальных на кладбище. Нередко местные жители объясняют, что это делается для того, чтобы слезы не капали в гроб. Информантка, которая переехала в Карагайский район после

⁶ В соседней Свердловской области вела себя подобным образом также именно во время исполнения для нее специального сиротского произведения: «Если нет в живых отца, матери, крестного, крестной, то поют так: “Приутихните, гуси, на море, / Приумолкните, гости, в тереме!” Во всё это время невеста неутешно плачет, бьет руками, “чепается” (т.е. качается во все стороны) и делает поклоны иконе с зажженной свечкой “в кутнем углу”» (Шилков, 1891: 180).

замужества, помнит свое удивление, когда увидела этот обычай в первый раз: *«А вот они три-четыре женщины вот закроются платками [показывает]: и-и-и, и это напевают. Я думаю сперва-то, это они плачут, посмотрю – глаза сухие у их. [Смеется.] А напевают над гробом-то»*⁷. Таким образом, и платок, и полотенце становятся символическим средством обратиться к миру мертвых (и не нарушить распространенный запрет ронять слезы на умершего).

На территории Юсьвинского района, где проживают иньвенские коми-пермяки, записан текст на русском языке, исполняемый невесте-сироте. Эта группа коми-пермяков длительное время находится в тесном контакте со своими ближайшими соседями – русскими, чем можно объяснить неизбежное взаимовлияние двух народов и заимствование некоторых песенных форм. Причитания здесь исполнялись накануне свадьбы; с утра в доме невесты начиналось «отчаянное выть» – так справлялся девичник. Вечером «поезжанки, поочередно, расчесывают волосы невесты; при этом как подруги, так и сама невеста плачут и причитают. Если у невесты нет отца или матери, то в честь их поют поминальные стихи; так например: “Подымайтесь-ка, ветры буйные...”» (Янович, 1903: 82).

Этнографические материалы показывают, что в конкретных локальных традициях имелось разное количество специальных сиротских произведений, варьировалось и количество их исполнений. В очерке Я.О. Предтеченского опубликовано пять подобных текстов, при этом автор упоминает, что четыре пелись до обручения (два из них могли исполняться дважды), а одна песня для невесты-сироты звучала прямо во время свадебного пира. В очерке А. Чеснокова также приведены два текста, исполнявшиеся друг за другом на сговоре. В работе Д. Петухова о традициях г. Дедюхина упоминается, что сиротский текст мог исполняться два раза (от посиденка до дня свадьбы и в девичник). Поэтому можно предположить, что на территории Северного Прикамья «сиротские» элементы свадебного ритуала были достаточно выражены.

Известно, что невеста-сирота могла ходить и на кладбище, но, к сожалению, подробных описаний, как именно она это делала, не обнаружено. О существовании такого обычая в прикамской свадьбе упоминает И.В. Зырянов: «Чтобы получить родительское благословение, невеста отправлялась на могилу своих родителей и просила подать голос из “сырой земли-матушки”» (Зырянов, 1969: 42). Это было принято и в Соликамском районе, что показывает

⁷ ПЛП, ж., 1937 г.р., род. в Верхние Новинки Усольского р-на, в 1955 г. переехала в Карагайский р-н, где проживает в д. Юрич; зап. в 2018 г. (Архив ЛТПФ).

комментарий исполнительницы к свадебному причитанию: «*Придешь на могилу, если кто умер, мать ли, отец ли, сначала причитаешь...*»⁸ (д. № 452).

2. Исполнение причитаний невесты-сироты в Среднем Прикамье. В Добрянском районе невеста-сирота перед обручением выходила причитать на улицу, о чем свидетельствует описание конкретной свадьбы: «Под <...> пение мать, расчесав голову невесты, заплела часть ее косы, потом передала подругам, которые должны были по очереди заплести у невесты хотя бы несколько волосков. Невеста заливалась слезами, плакали и подруги; в конце концов песню могли петь из 30 подруг только 3–4. Родители под пенье благословили невесту, но т. к. мать у нее была не родная, она пошла с подругами на улицу около дома просить благословения от умершей матери. На улице подруги запели “Уж я вышла горё-горькая...”» (Богословский, 1926: 142). Известно, что в Добрянском районе местом плача невесты-сироты могло служить подполье родительского дома (Зырянов, РО ИРЛИ: л. 43): невеста как бы спускалась к умершим, и подполье в данном случае символизирует подземный «иной» мир. Также в дневнике фольклорной практики есть упоминание, что невеста-сирота могла ходить плакать на кладбище: «*Если невеста сирота, то про косу поют на могиле отца и матери*» (Архив ЛТПФ).

В Оханском районе сиротское причитание исполнялось утром в день свадьбы, после ритуальной бани, расплетения косы и дарения «красоты». Во время причитания «невеста ищет умершего родителя, она ходит по избе с подругами, заглядывая на печь и полати и, не найдя, призывает их выйти из могилы, начиная со слов “Садитесь, мои кумушки...”» (Серебренников, 1911: 32). В этом же районе бытовал текст невесты-сироты «Я сидела, горе-горькая...», который принадлежит к числу наиболее полных, развернутых причитаний, записанных в Пермской крае. И хотя к этому тексту нет комментариев, по его сюжету мы можем понять, что во время исполнения невеста, вероятнее всего, тоже искала своего умершего родителя (Серебренников, 1964: 211-216)⁹.

В Пермском районе, в с. Усть-Качка, записана песня, исполняемая невесте-сироте, “Ты река-ли, моя реченька...”, которая пелась во время свадебного ритуала два раза. В первый раз этот текст звучал во время

⁸ Дневник фольклорной практики № 452 (Архив ЛТПФ).

⁹ В соседней Кировской области также существовал подобный ритуал: «При пении <...> песни невеста ходит по избе, как будто ищет родителей; припадает к каждому углу, потом уже подходит к крестным – отцу и матери и получает от них благословение при двукратном пении следующей песни: “Я хожу, хожу по избе по кирпичатной...”» (Кошурников, 1881: 84). Этот ритуал известен и во многих других областях.

девичника (Зеленин, 2019: 20-22). Во второй раз эта же песня могла быть исполнена накануне свадьбы, когда проходило обручение; невеста при этом находилась в переднем углу, а вокруг нее сидели девушки (Там же: 28-29). В с. Курашим, которое находится на границе с Кунгурским районом, накануне свадьбы невесту водили в баню: «Женщина, из своих кто-нибудь затопляет баню. В баню невесту водят. Вперед она пойдет с девчонкой, кого она выберет. Они моются, девчонки песню поют. Если ни отца, или матери нет, того ли другого нет, “Гору” поют. “Вот гора ли моя высокая, гора высокая, стена моя белокаменная”, – это надо выть. Таким же мотивом. Девчонки поют, воют. Девушки поют у дверей у бани, в предбаннике» (Черных, Голева, 2008: 58).

3. Исполнение сиротских причитаний в Южном Прикамье. Из этой части края нам известно наименьшее количество материала. Однако рассказы о сиротских причитаниях, записанные от жителей Кунгурского района, которые наблюдали или исполняли их, представляют безусловный интерес: «Плакали еще, а у меня мамы-то не было, так меня на улицу выводили, по направлению на гору-то, где мама схоронена, я туда плакала, прощение-разрешение просила. На улицу-то подруги выводили» (Подюков и др., 2007: 134). Здесь невесту обязательно должны вывести на улицу, а она поворачивается в сторону родительской могилы, тем самым адресуя свои слова матери, находящейся в мире мертвых. Произнесение молитв или обращений к умершим в сторону кладбища (особенно при невозможности посетить его из-за далекого расположения) широко встречается и в поминальной обрядности.

Во втором комментарии обращает на себя внимание использование платка: «Если мамы нет, отца ли, она [невеста] сперва в углу сидит, еще с косой, ее платком-то повяжут, потом за ворота выведут, там постелют на землю платок, она на нем там падает и плачет» (Там же: 134). Конечно, с одной стороны, это действие можно объяснить утилитарно: чтобы не запачкаться, не стоять на голой земле. Но нам здесь видится и символическое значение, которое более важно. Это подтверждает наличие близких аналогий в других традициях. В Калужской области невеста-сирота с утра ходила на кладбище просить благословение, там она кланялась три раза, и ей подстилали «крюковое полотенце», куда она опускалась на колени и причитала (Деревни Савино, Буда: электрон. ресурс). Платок расстилают на могилу и при исполнении поминального плача, как, например, в Костромской губернии: «плакальщица медленно, сосредоточенно обходит могилу, постоянно молясь и вздыхая, оправляет ее, затем останавливается у

изголовья могилы, некоторое время стоит, задумавшись, как будто собираясь с духом, опускается на колени, расстилает платок на могиле и упадает на него лицом. На некоторое время она застывает в этом положении. Но вот слышатся тяжелые вздохи, которые вдруг сменяются громким: “О-о-о, да свет...” И полился заунывный, хватающий за сердце напев-плач» (Смирнов, 1920: 43). В Юрлинском районе Пермского края существует запрет на прикосновение к могиле голыми руками во время поклонов: чтобы дотронуться до нее, нужно сделать это через платок или хотя бы пучок сорванной травы (в единичных случаях это объясняется тем, что могила «нечистая»). Можно предположить, что и полотенце, и платок здесь также выступают предметами, связывающими два мира (но при этом и определяющими границу между ними).

Кроме улицы, причитания невесты сироты в Кунгурском районе могли исполняться на кладбище: *«Когда девушку выдают замуж (сироту), она идет выть на могилу к родителям»* (Архив ЛТПФ). На это указывает целый ряд записей в дневниках фольклорных практик, из чего можно сделать вывод, что такой способ исполнения сиротских причитаний в Кунгурском районе был достаточно распространен.

Выводы

Специфические ритуалы, причитания и песни, исполняемые на свадьбе невесты-сироты, являются одним из маркеров сиротства как особого статуса. В этом случае особенно явно актуализируется существовавшая глубинная связь между свадьбой и похоронами; исполнение сиротских причитаний, включающих поминальные мотивы, рассматривается исследователями как буквальный фрагмент поминок на свадьбе или синтез двух этих обрядов. Пермские материалы, касающиеся обычая причитать по умершим родителям на свадьбе невесты-сироты, соотносятся с условной общерусской традицией и дополняют ее. Структурно сложных вариантов пермской сиротской свадьбы не обнаружено, по-видимому, она носила более упрощенный характер, чем, к примеру, аналогичные обряды на Смоленщине или Русском Севере.

Систематизация данных, относящихся к традиции русских, позволяет выделить два наиболее типичных локуса, где исполнялись сиротские причитания и песни: это дом и кладбище. В доме невеста обычно сидела за столом (стуча по нему руками), но задействовались и другие локусы: место, где умершие родители когда-то спали (печь, полати), «нечистая» периферия жилища (углы, подполье), пограничное

пространство (крыльцо, сени). Иногда сиротские ритуалы включали элементы театрализации: невеста изображала, что ищет родителей, приглашала их за стол и угощает; известны случаи, когда в роли умершего родителя вступал ритуальный заместитель – другая девушка-сирота. За пределами дома и кладбища для причитаний также выбирались пограничные локусы: возвышенность, перекресток, «чистое поле»; причитание могло исполняться у дома в сторону погоста. На кладбище невесту чаще всего сопровождали подруги, но это могли быть женщины-соседки / старухи / мать-вдова с сестрами, в отдельных случаях – музыканты. Ряд ритуальных жестов и предметов (платок, полотенце), которые использовались в сиротской свадьбе, известен по исполнениям похоронно-поминальных причитаний и входит в общую часть ритуального «словаря» плачевой культуры.

Источники

- Балашов, Д.М. и др. (1985). *Русская свадьба: свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшенинге и на Уфтьюге (Тарногский район Вологодской области)*. Москва: Современник.
- Бахматов, А.А., Голева, Т.Г., Подюков, И.А., Черных А.В. (2008). *Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования*. Пермь.
- Богословский, П.С. (1926). *Крестьянская свадьба в лесах Вильвы, Пермского округа*. В *Пермский краеведческий сборник*. Вып. 2. Пермь. 128-159.
- Ефремов, И.В. (Сост.). (1975). *Вологодский фольклор*. Вологда: Северо-Западное книжное издательство.
- Деревни Савино, Буда, село Вербезжичи Людиновского района*. URL: <http://folk.rusign.com/s/43.html> (дата обращения 10.07.2020).
- Енговатова, М.А. *Сиротская свадьба в западных районах Смоленской области*. URL: <https://www.culture.ru/objects/2081/sirotskaya-svadba-v-zapadnykh-raionakh-smolenskoi-oblasti> (дата обращения 10.07.2020).
- Зеленин, И.П. (2019). *Усть-Качкинская свадьба*. Пермь: Изд. Богатырёв П. Г.
- Зырянов, И. В. (1969). *Чердынская свадьба*. Пермь: Пермское книжное издательство.
- Кастров, А.Ю. (1999). *Лальские погребально-поминальные причитания (Публикация и комментарии)*. В Розов, А.Н. (Ред.). *Русский фольклор*. Вып. 30. Санкт-Петербург: Наука. 376-413.
- РС – Каргин, А.С. (Ред.). (2000). *Русская свадьба*. Т. 1. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора.
- Кошурников, В.С. (1880). *Свадебные обряды и песни юго-восточной части Вятской губернии*. В *Календарь Вятской губернии 1881 г.* 51-99.
- Лининская, В.А., Сафьянова, А.В. (1978). *Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа*. В Чистов, К.В. (Ред.). *Русский*

- народный свадебный обряд: исследования и материалы.* Ленинград: Наука. 80-201.
- Мехнецова, К.А. *Свадебный обряд, песни и причитания Себежского района Псковской области.* URL: <https://www.culture.ru/objects/366/svadebnyi-obryad-pesni-i-prichitaniya-sebezhskego-raiona-pskovskoi-oblasti> (дата обращения 10.07.2020).
- Потанина, Р.П. (Сост.) (1981). *Обрядовые песни русской свадьбы Сибири.* Новосибирск: Наука.
- Певин, П. (1893). Народная свадьба в Толвуйском приходе, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии. В *Живая старина.* № 2. 219-248.
- Петухов, Д. (1864). *Горный город Дедюхин и окольные местности.* Санкт-Петербург.
- Подюков, И.А. и др. (2007). *В каждой деревне что-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век).* Пермь: Типограф. купца Тарасова.
- Подюков, И.А. и др. (2004). *Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья.* Пермь: Книжное издательство.
- Предтеченский, Я. (1859). О свадебных обрядах города Чердыни. В *Пермский сборник.* Кн. 1, отд. 2. 1-107.
- Предтеченский, Я. (1860). О свадебных обрядах города Чердыни. В *Пермский сборник.* Кн. 2, отд. 2. 132-161.
- Разумова, А.П., Коски, Т.А. (Сост.). (1980). *Русская свадьба Карельского Поморья (в селах Колежме и Нюхче).* Петрозаводск: Карелия.
- Свадебный обряд, песни и причитания локнянско-ловатской традиции.* URL: <https://www.culture.ru/objects/367/svadebnyi-obryad-pesni-i-prichitaniya-loknyansko-lovatskoi-tradicii> (дата обращения 10.07.2020).
- Серебренников, В.Н. (1911). *Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губ.* В *Материалы по изучению Пермского края.* Вып. 4. Пермь. 1-68.
- Серебренников, В.Н. (Сост.). (1964). *Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья.* Пермь: Книжное издательство.
- Смирнов, В.И. (1920). *Народные похороны и причитания в Костромском крае.* В *Труды Костромского науч. о-ва по изучению местного края.* Вып. XV. 21-126.
- Шилков, П.А. (1891-1894). *Свадебные обряды и песни Билимбаевского завода Екатеринбургского уезда.* В *Записки Уральского общества любителей естествознания.* Т. 13. Вып. 2. 177-195.
- Чесноков, А. (1911). Свадебные обряды и песни «кержаков». В *Живая старина.* № 1. 57-97.
- Черных, А.В. (2001). Куединская свадьба. Свадебные обряды русских Куединского района Пермской области в конце XIX – первой половине XX в. Пермь: Книга.
- Чижикова, Л.Н. (1978). *Свадебные обряды русского населения Украины.* В Чистов, К.В. (Ред.). *Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы.* Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 159-179.
- Янович, В.М. (1903). Пермьяки. В *Живая старина.* № 1/2. 52-171.

Литература

- Адоньева, С.Б. (2004). Причитание: ритуальный текст и посвятельная процедура. В Власова, М.Н. (Ред.). *Русский фольклор: материалы и исследования*. Т. 32. Санкт-Петербург: Наука. 130-145.
- Алексеевский, М.Д. (2007). Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст. В *Антропологический форум*. № 6. 227-262.
- Байбурин, А.К., Левинтон, Г.А. (1990). *Похороны и свадьба*. В Иванов В.В. (Ред.). *Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд*. Москва: Наука. 64-98.
- Енговатова, М.А. (2008). *Сиротская свадьба Смоленщины в системе обрядов жизненного цикла*. В Артамонова, Ю.В. (Ред.). *Традиционная музыкальная культура на рубеже столетий: проблемы, методы и перспективы исследования*. Москва: РАМ им. Гнесиных. 272-280.
- Еремина, В.И. (1991). Свадебный обряд в его исторической взаимосвязи с погребальным. В Горелов, А.А. *Ритуал и фольклор*. Ленинград: Наука. 83-101.
- Ефименкова, Б.Б. (1980). *Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологод. обл.)*. Москва: Советский композитор.
- Зорин, Н.В. (2004). *Русский свадебный ритуал*. Москва: Наука.
- Калинина, А.А. (1985). К вопросу об историческом развитии свадебного обряда (на материале Вологодской области). В Азбелев, С.Н. (Ред.). *Русский фольклор*. Т. 23. Ленинград: Наука. 217-226.
- Королёва, С.Ю., Брюханова, М.А. (2018). Чердынская похоронно-поминальная причеть: бытование, обрядовая лексика, мотив *вестки-грамотки*. В *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. №2. 16-29.
- Кузнецова, В.П. (1993). *Причитания в северно-русском свадебном обряде*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.
- Кузнецова, В.П., Логинов, К.К. (2001). *Русская свадьба Заонежья (конец XIX – начало XX в.)*. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ.
- Хохлова, Н.И. (1984). О музыкальном складе причитаний тагильских заводов. В *Фольклор Урала*. Вып. 8. 55-63.
- Черных, А.В., Голева Т.Г. (2008) *Курашимская свадьба: свадебные обычаи и обряды с. Курашим Пермского района*. В Черных, А.В. (Ред.). *Семейные традиции народов Пермского района: материалы и исследования*. Пермь: От и До. 39-102.
- Щупак (Мехнецова), Г.Н. (2012). *Причитания в контексте традиционной свадьбы Пермской губернии (по материалам этнографических публикаций середины XIX – начала XX века)*. В *Русский фольклор: Материалы и исследования*. Т. 36. Санкт-Петербург: Наука. 265-294.
- Югай, Е.Ф. (2019). *Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке*. Москва: Индрик.

References

- Adoneva, S.B. (2004). *Prichitanie: rityalnyj tekst i prosvyatitel'naya protsedura [Lamentation: Ritual Text and Initiatory Procedure]*. In Vlasova, M.N. (Ed.). *Russkij folklor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and research]. T. 32. St. Petersburg: Nauka. 130-145. (In Russian).
- Alekseevskij, M.D. (2007). Motiv ozhivleniya pokojnika v severnorusskikh pominalnykh prichitanijakh: tekst i obryadovyj kontekst [The motive of the revival of the deceased in the North Russian commemoration lamentations: text and ritual context]. In *Antropologičeskij forum [Anthropological Forum]*. No. 6. 227-262. (In Russian).
- Bajburin, A.K., Levinton, G.A. (1990). *Pokhorony i svadba [Funeral and wedding]*. In Ivanov, V.V. (Ed.). *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoj dukhovnoj kultury: Pogrebalnyj obryad* [Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture: Funeral rite]. Moscow: Nauka. 64-98. (In Russian).
- Engovatova, M.A. (2008). *Sirotskaya svadba Smolenshchiny v sisteme obryadov zhiznennogo tsikla [Orphan's wedding of the Smolensk region in the system of rituals of the life cycle]*. In Artamonova, Yu.V. (Ed.). *Traditsionnaya muzykal'naya kultura na rubezhe stoletij: problemy, metody i perspektivy issledovaniya [Traditional musical culture at the turn of the century: problems, methods and research prospects]*. Moscow: RAN im. Gnesinykh. 272-280. (In Russian).
- Eremina, V.I. (1991). *Svadebnyj obryad v ego istoričeskoj vzaimosvyazi s pogrebalnym [The wedding ceremony in its historical relationship with the funeral]*. In Gorelov, A.A. *Pital i folklor [Ritual and folklore]*. Leningrad: Nauka. 83-101. (In Russian).
- Efimenkova, B.B. (1980). *Severnorusskaya prichet: Mezhdureče Sukhony i Uga i verkhovya Kokshengi (Vologodskaja oblast) [North Russian prichet: Mesopotamia of the Sukhona and the South and the upper reaches of the Kokshenga (Vologda region)]*. Moscow: Sovetskij kompozitor. (In Russian).
- Zorin, N.V. (2004). *Russkij svadebnyj ritual [Russian wedding ritual]*. Moskva: Nauka. (In Russian).
- Kalinina, A.A. (1985). *K voprosu ob istoričeskom razvitii svadebnogo obryada (na materiale Vologodskoj oblasti) [On the question of the historical development of the wedding ceremony (based on the material of the Vologda region)]*. In Azbelev, S. N. (Ed.). *Russkij folklor [Russian folklore]*. T. 23. Leningrad: Nauka. 217-226. (In Russian).
- Korolyova, S.Yu., Bryukhanova, M.A. (2018). Cherdynskaja pohoronno-pominal'naja prichet': bytovanie, obrjadovaja leksika, motiv vestki-gramotki [Funeral lament of Cherdyn region: functioning, ritual vocabulary, the motive of "vestka-gramotka"]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubežnaja filologija [The Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology]*. No. 2. 16-29.
- Kuznetsova, V.P. (1993). *Prichitanija v severo-russkom svadebnom obryade [Lamentations in the North Russian wedding ceremony]*. Petrozavodsk: Karelskij nauchnyj tsentr RAN. (In Russian).

- Kuznetsova, V.P., Loginov, K.K. (2001). *Russkaya svadba Zaonezhya (konets XIX – nachalo XX v.). [Russian wedding in Zaonezhye (late 19th - early 20th centuries)]*. Petrozavodsk: Izdatelstvo PetrSU. (In Russian).
- Khokhlova, N.I. (1984). *O muzykalnom sklade pricitanij tagil'skikh zavodov [About musical warehouse lamentations of Tagil factories]*. In *Folklor Urala [Folklore of the Urals]*. Vol. 8. 55-63. (In Russian).
- Chernykh, A.V., Goleva T.G. (2008) *Kurashimskaya svadba: svadebnye obychai i obryady s. Kurashim Permskogo rajona [Kurashim Wedding: Wedding Customs and Ceremonies p. Kurashim of the Perm region]*. In Chernykh, A.V. (Ed.). *Semejnye traditsii narodov Permskogo rajona: materialy i issledovaniya [Family traditions of the peoples of the Perm region: materials and research]*. Perm: Ot i Do. 39-102. (In Russian).
- Yugai, E.F. (2019). *Chelobitnaya na tot svet: vologodskie prichitaniya v XX veke [Complaints to the Other World: Vologda Lamentations in the 20th Century]*. Moscow: Indrik. (In Russian).